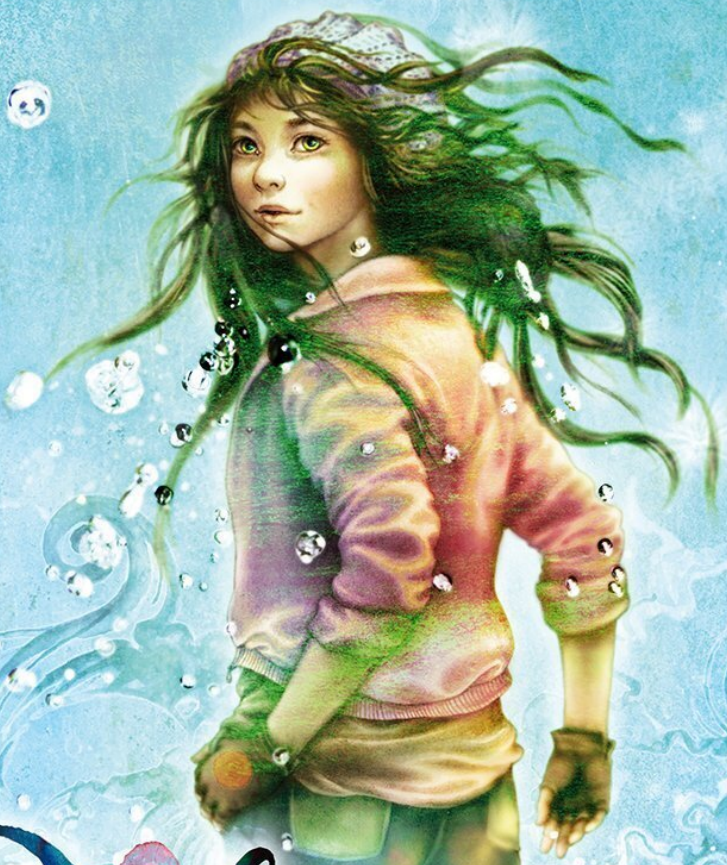
ТАНЯ ШТЕВНЕР



Девочка с морскими сердцем

Таня Штевнер

Девочка с морским сердцем

«Эксмо»
2015

УДК 821.112.2-93
ББК 84(4Гем)-44

Штевнер Т.

Девочка с морским сердцем / Т. Штевнер — «Эксмо», 2015 — (Девочка с морским сердцем)

ISBN 978-5-04-168271-2

Если ты не такой, как все, то у тебя наверняка куча проблем. Уж Алеа знает об этом не понаслышке! Ведь она страдает редким и весьма загадочным заболеванием: если на её тело попадёт хоть капля холодной воды, то на нём останутся странные следы. Она может даже погибнуть! Так почему же её постоянно тянет к морю? Откуда взялась эта странная тоска по нему? Однажды Алеа выпадает шанс узнать это: она знакомится с тремя ребятами, которые путешествуют по миру на собственном корабле. Они готовы взять Алеа с собой! И хотя девочка очень боится воды, она чувствует, что это путешествие может открыть ей удивительные тайны… Что же ждёт её впереди?

УДК 821.112.2-93
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-168271-2

© Штевнер Т., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Гамбург 7
«Альфа Кру» 14
Искатели приключений 23
История Алеа 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Таня Штевнер
Девочка с морским сердцем

Посвящается Мо

Tanya Stewner, Claudia Carls (ill.)
ALEA AQUARIUS 1: DER RUF DES WASSERS
First published in German under the title
Alea Aquarius 1: Der Ruf des Wassers by Tanya Stewner, cover illustrations and vignettes by Claudia Carls
© Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg 2015

© Капустюк Ю.Б., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Она увидела, как на неё наступает вода.

Она закричала.

А затем нырнула в море.

Удар был сильным, словно она с разбегу врезалась в дверь, но уже в следующее мгновение эта дверь отворилась и впустила её внутрь.

Ледяная вода сомкнулась над ней. Она стала отчаянно дрыгать ногами и грести руками. Разум подсказывал, что смерть близка. Но сердце как будто не соглашалось. Оно колотилось громко и быстро, отчаянно и яростно – но не от страха. Она вдруг почувствовала, что её сердце трепещет от радости.

Гамбург

Река сегодня была более серой, чем обычно. Серой и печальной, но, скорее всего, Алеа так показалось – ведь она сама была охвачена печалью. Понурившись, опустив плечи, она стояла в порту и не отрываясь смотрела на воду. Эльба была гигантской рекой, водным колоссом, мощно вклинивающимся в сушу. Сколько раз она уже стояла здесь и глядела на Эльбу, прислушиваясь к её тихому шелесту и пытаясь разгадать её тайны? Тайны, которые она никогда не раскроет, потому что Алеа не разрешалось подходить ни к Эльбе, ни к какой другой реке.

Алеа бросила взгляд на мобильный. Пропущенных вызовов нет. Конечно же, нет. Как можно пропустить вызов, если она напряжена как струна и то и дело поглядывает на экран!

Девочка переступила с ноги на ногу. Она стояла здесь давно и очень устала. Вздохнув, она огляделась в поисках места, где можно было присесть на приличном расстоянии от воды и чтобы рядом не было луж, которыми её могли обрызгать прохожие. Но луж сегодня вообще нигде не было, потому что дождь не шёл уже несколько дней.

Она заметила пустую скамью – именно то, что сейчас ей и нужно. Какое-то время она просто сидела, вцепившись в телефон и разглядывая людей, которые решительно проходили мимо – туристы и местные, рабочие и просто устраивающиеся на причале с пакетом бизнес-ланча. Здесь всегда царило оживление и всегда было много народу, как на любом из бесчисленных гамбургских причалов. Алеа знала каждый из них. Она уже стояла на всех и смотрела на воду. Но этот причал нравился ей больше остальных. Здесь она чувствовала себя как дома, а в этом ощущении она нуждалась сейчас более чем когда-либо.

Алеа сделала глубокий вдох и попробовала подавить новую волну страха. То, что сегодня произошло, было слишком серьёзно. Утром у её приёмной матери случился инфаркт. Алеа проснулась в хорошем настроении и стала размышлять, что бы предпринять в первый день летних каникул, как вдруг увидела на кухне Марианну – совершенно белую, с каплями пота на лице. Алеа немедленно вызвала «Скорую помощь», и приёмную мать забрали в больницу. Ей уже шестьдесят пять лет, и у неё давно были проблемы с сердцем, но Алеа никогда не допускала мысли, что может случиться что-то плохое. Ведь кроме Марианны у неё никого нет, и если та не сможет о ней заботиться или вообще умрёт, служба опеки подберёт для Алеа новую приёмную семью. Ей придётся переехать жить к чужим, незнакомым людям, которые ничего не знают о её болезни. От этой мысли внутри у Алеа всё сжалось. Только из-за страха перед службой опеки она и сидела здесь, а не в больнице возле Марианны.

Алеа почувствовала, как по спине поползли противные холодные мурашки. Марианна обещала набрать ей сразу, как только сможет. Значит, мобильный зазвонит с минуты на минуту. В любой момент…

Она смахнула слезинку из уголка глаза. Плакать не хотелось, но она чувствовала себя бесконечно беспомощной и одинокой.

Её взгляд упал на ладонь. На чёрной кожаной перчатке сверкала та единственная слезинка, которую она только что смахнула. На мгновение ей показалось, что она что-то в ней разглядела, что в слезинке вспыхнуло что-то синее и зелёное. Но тут слезинка впиталась в шов на перчатке и исчезла.

Алеа несколько раз сжала и разжала кулак. Как и на всех своих перчатках, она и здесь отрезала кончики пальцев, чтобы можно было нормально пользоваться руками, но сегодня даже в таком виде перчатки ей мешали. На улице было плюс двадцать семь, и кожа под перчатками вспотела.

Она выпрямилась и попробовала дышать спокойно. Нужно взять себя в руки! Она стала сосредоточенно рассматривать причал – вдруг удастся отвлечься на что-нибудь в ожидании

звонка Марианны? Лодки на причале покачивались на воде, на другом берегу скрипел и гудел громадный погрузочный кран.

И тут Алеа заметила странный старый парусный корабль, который как раз причаливал к набережной. На носу виднелась наполовину стёртая надпись: «Крукис». Корабль выглядел настолько необычно, что Алеа прищурилась и всмотрелась внимательнее. Его давно следовало бы покрасить заново. Светло-зелёная краска по бокам отслаивалась и облезала. Да и вообще судно казалось таким изношенным, что было странно, как оно вообще способно выходить в море. Но Алеа никак не могла оторвать от него взгляд – и всё смотрела и смотрела. И хотя она не знала, что именно привлекло её внимание, у неё возникло чувство, что перед ней нечто особенное.

С корабля спрыгнул мальчик и принялся крепко привязывать канаты. На вид ему было лет девять-десять, не больше. Справившись со своей задачей, он снова запрыгнул на судно и исчез под палубой.

В скором времени из рубки вышел юноша, который, вероятно, управлял «Крукисом». Как и мальчик, он ловким отработанным движением спрыгнул с судна на причал. Ему было лет восемнадцать, и он казался очень симпатичным. У него был тёмный загар, приветливое лицо и взъерошенные, как у рок-звезды, волосы, а на рукаве футболки зияла дыра. Кроме того, под мышкой он держал гитарный футляр.

Благодаря судьбу за всё, что отвлекало её от раздумий и ожидания, Алеа стала наблюдать за действиями юноши, который, пройдя мимо неё, направился в сторону расположенного неподалёку кафе.

Алеа почувствовала, что безумно хочет пить. Она порылась в рюкзаке, но потом вспомнила, что термос оставила дома. Обычно он у неё всегда с собой, но после случившегося с Марианной она выскочила из квартиры в такой спешке, что забыла не только термос, но и зонт – а это крайне неосмотрительно! И хотя пока на небе ни облачка, если всё-таки польёт дождь, у неё возникнут серьёзные проблемы.

Мальчик, который только что крепко привязывал «Крукис», легко спрыгнул с лодки и с потёртым барабаном под мышкой направился к тому же кафе, что и юноша – рок-звезда. Когда мальчик поравнялся со скамейкой Алеа, их глаза встретились, и он улыбнулся.

– Ахой! – сказал он вместо приветствия и широко улыбнулся щербатым ртом.

Алеа смущённо улыбнулась в ответ, но он уже ушёл.

Она встала. Термоса нет – значит, придётся купить себе что-нибудь тёплое. Зажав в ладони мобильный, она направилась к кафе и, войдя внутрь, сразу заметила мальчика и юношу: они сидели за одним столом и пили лимонад. Алеа села за свободный столик неподалёку от них. Она увидела, что мальчик босой, и ей это понравилось, хотя сама она ни за что не стала бы так ходить. Но эти мальчишки казались немного чудными, а чудики, фрики, ей нравились. В конце концов, она и сама в какой-то степени фрик.

К ней подошла официантка, и Алеа заказала чай.

– Только не горячий, а тёплый, – попросила она.

Официантка нахмурилась:

– Может, принести холодный чай?

Алеа замахала руками:

– Ни в коем случае!

Официантка вылупилась на чёрные кожаные перчатки Алеа, и девочка буквально слышала, как она думает: *«Такая жара, а она в перчатках! И зачем ей тёплый чай?»*

Алеа напряжённо улыбнулась, а официантка пожала плечами.

– Один тёплый чай, – подытожила она и исчезла.

Алеа заметила, что мальчики смотрят в её сторону.

– Клёвый прикид! – крикнул тот, что помладше.

Алеа вздрогнула. Почувствовав, что краснеет, она натянула кепку на лицо. На ней была тёмно-розовая атласная куртка, мужская майка, множество длинных цепей, рваные джинсы, тяжёлые ботинки, её любимая кепка цвета морской волны и перчатки. Она знала, что прикид у неё довольно клёвый – в том-то и вся соль. Алеа уже несколько лет одевалась крайне вызывающе и делала это с одной-единственной целью: отвлечь внимание от перчаток. Ни по соседству, ни в школе никто ничего не знал о её болезни. Одноклассники и учителя полагали, что это один из её многочисленных модных приколов. А для Алеа было предпочтительнее, чтобы её считали странной, нежели больной. Одна только Марианна знала, как сильно это заболевание ограничивает Алеа в повседневной жизни и какой львиной доли свободы её лишает. Но знать об этом больше никому не полагалось – жалость ей была не нужна.

– Спасибо, – едва слышно пробормотала она и почувствовала, что её щёки раскраснелись ещё больше.

К счастью, мальчишки погрузились в разговор и больше на неё не смотрели. Под столом они достали по бутерброду и откусывали от них каждый раз, когда официантка отворачивалась.

Алеа невольно улыбнулась и подумала, что тоже с удовольствием проглотила бы такой бутерброд. Она ничего не ела с самого завтрака.

Официантка принесла чай. Это был просто кипяток, и Алеа пришлось ждать, пока он остынет.

К столу, за которым сидели мальчишки, подошла девочка – темнокожая, с длинными дредами, высоко собранными в косу. На груди у неё висел аккордеон.

– Привет, Тесс, – поздоровался с ней мальчик.

– Ты дверь на борту заперла?

Тесс скорчила гримасу.

– Ой, забыла, – ответила она со странным акцентом. – Придётся мне вернуться.

Юноша махнул рукой:

– Ладно, забудь! Вряд ли кто-то уведёт нашу дряхлую посудину. Мы тебе кое-что оставили, – добавил он и сунул девочке под столом бутерброд с сыром.

Алеа удивилась. Эта девушка тоже путешествует на борту «Крукиса»? Они все трое – братья и сестра? Нет, точно нет. У Тесс кожа тёмная, у мальчика светлая и рыжие волосы, а у рок-звезды волосы светло-каштановые. И они совсем не похожи друг на друга.

Тесс залпом осушила стакан с лимонадом, который придвинул ей юноша, а затем спросила:

– Вы готовы?

Мальчики закивали.

– Вон там неплохое место, – юноша указал куда-то напротив кафе. Он положил на стол пятиевровую банкноту и достал из футляра гитару. Рыжеволосый мальчик вытащил из своего барабана помятую мужскую шляпу и надел её на голову. Тесс со своим аккордеоном пошла к месту напротив кафе. Там все трое заняли удобные позиции, приладили свои инструменты и начали играть известную рок-песню, которая благодаря аккордеону звучала необычно и стала привлекать внимание публики. А потом Тесс запела. От неожиданности у Алеа отвисла челюсть. Тесс оказалась настоящей рок-певицей – её голос был мощным, страстным, с хрипотцой. Стало ясно, что рок-звезда здесь *она*! И хотя у юноши была соответствующая причёска и он, по мнению Алеа, прилично играл на гитаре, Тесс притянула всё внимание к себе, и головы прохожих обернулись в её сторону. А юноша с гитарой только улыбался с довольным видом, будто уже не раз становился этому свидетелем и прекрасно понимал, как хороша Тесс.

Песня закончилась, и раздались восторженные аплодисменты. Алеа тоже захлопала в ладоши. Мальчик прошёлся по кругу со своей шляпой и собрал деньги. Многие кидали монеты по одному или по два евро. Когда он оказался напротив Алеа, она лишь покачала головой:

– Мне очень жаль, но мне ещё нужно оплатить чай.

– Но ты же слушала! – воскликнул мальчик. – И тебе понравилось! Я сам видел!

Алеа было нечего возразить:

– Да, но я на мели.

– Мы тоже – всегда, – ухмыльнулся мальчик. – Хотя… ты можешь мне кое-что отдать.

Она нахмурилась:

– Что именно?

– Как насчёт твоей кепки?

Алеа энергично замахала руками:

– Об этом не может быть и речи! Это моя любимая кепка!

Мальчик задумался:

– Тогда перчатки!

Алеа вся сжалась:

– Не получится.

– Почему нет? – спросил мальчик и с интересом уставился на неё. – Что не так с твоими перчатками?

– Тогда уж лучше кепку! – вместо ответа крикнула она и быстро сорвала кепку с головы, следя за тем, чтобы длинные чёрные волосы закрывали те места за ушами, которые при любых обстоятельствах должны оставаться закрытыми. – Вот, держи, – сказала она, протягивая мальчику головной убор.

Он с удивлением его взял:

– Так это же потрясно! Ты отдаёшь мне свою кепку? Спасибо! – Сияя, он побежал к остальным, чтобы продемонстрировать им обновку.

Тесс и юноша изумлённо воззрились на Алеа, а она коротко кивнула и тотчас отвела взгляд. Чёрт, это её любимая кепка! Но о том, чтобы отдать мальчику перчатки, не могло быть и речи. Нужно было предложить ему одну из своих цепочек! И как это она не догадалась!

Вдруг к Тесс и мальчикам подошёл какой-то мужчина и стал что-то возмущённо им говорить. Юноша примирительно воскликнул:

– Ладно, ладно! Мы уходим!

Судя по всему, играть здесь было запрещено. Трое музыкантов упаковались и с вытянувшимися лицами ушли восвояси. «Жаль, – подумала Алеа. – Как жаль!»

Она попробовала чай. Он всё ещё не остыл, но очень хотелось пить. За это время она несколько раз взглянула на экран мобильника. Ни одного пропущенного вызова. Алеа снова почувствовала, как по спине побежал холодок. Как там Марианна? Ей больно? Хорошо ли за ней ухаживают? Скоро ли она снова встанет на ноги? А что, если больше никогда?

К глазам у Алеа подступили слёзы. Интересно, когда она вернётся домой, там уже будет поджидать кто-то из опеки? Если Марианне предстоит пролежать в больнице ещё несколько недель, то Алеа уже сегодня перевезут в другое место? Она страдальчески поджала губы, но потом призвала себя мыслить здраво. До вечера ещё далеко. Она пока побудет здесь. Просидит в гавани весь оставшийся день в ожидании звонка Марианны. *Должна же* та когда-нибудь позвонить…

Алеа допила чай, заплатила и медленно поплелась из кафе обратно к своей скамейке. Усевшись на неё, она принялась бесцельно озираться по сторонам. При этом её взгляд снова упал на «Крукис», который по-прежнему стоял у причала. Алеа внимательно рассмотрела корабль. Его, конечно, не мешало бы подремонтировать, но на крыше палубной рубки была установлена солнечная панель, чем, несомненно, могли похвастать лишь современные суда. Всё на этом кораблике было как-то криво, косо и не очень гармонично, но именно это Алеа и нравилось.

На палубу поднялась Тесс, и Алеа стала наблюдать за ней, прикрыв ладонью глаза от солнца. Тесс принесла какой-то большой предмет и установила его на корме. Что это? Мишень

на подставке? Спустя пару минут на корме появился мальчик. Следом за ним, внимательно оглядываясь, шёл юноша. Когда он посмотрел в её сторону, Алеа инстинктивно сжалась, но его взгляд сразу скользнул дальше, и она снова подалась вперёд. Что эти трое там затеяли? Алеа медленно встала и, стараясь оставаться максимально незаметной, направилась к кораблю. Она подошла к нему почти вплотную и теперь даже слышала, о чём они говорят.

– Вперёд! – приказала Тесс мальчику и приклеила к мишени какую-то бумагу. Карта мира.

Взяв дротик для дартса, мальчик метнул его в карту и, ликуя, воскликнул:

– Финляндия! Мы там не были целую вечность!

– Отличный выстрел, Сэмми, – сказал юноша. – Сейчас, в июне, Финляндия прекраснее всего.

Алеа была в шоке. Неужели вот так, метанием дротика они выбирают себе следующую цель? Бросают в карту дротик – и плывут туда? При этой мысли сердце её учащенно забилось. Как хорошо просто плыть по морю, по ветру… быть свободной! Алеа тяжело вздохнула.

В это мгновение юноша вдруг вжал голову в плечи.

– Вон там управляющий причалом, – предупреждающе произнёс он. – Пойду-ка я быстренько оплачу портовый сбор. А вы пригнитесь и сделайте так, чтобы вас не было видно, ясно?

– Есть, капитан! – ответили Тесс и Сэмми и скрылись из виду. Но сразу после этого Сэмми снова поднял голову. – Бен! – крикнул он юноше. – Как ты думаешь, вон в том киоске продаются шоколадные батончики?

Юноша, которого, очевидно, звали Бен, строго посмотрел на Сэмми:

– Я сказал – пригнись!

– Так значит, да? – услышала Алеа голос Сэмми из-за перил.

– Нет! – прошипел Бен, спрыгнул с судна и побежал к управляющему портом, чтобы отдать ему деньги. Алеа наблюдала за ним и пришла к заключению, что на борту он самый старший. А может, на «Крукисе» присутствуют и взрослые, просто они до сих пор не показывались? Тесс и Сэмми назвали Бена «капитаном», и в данный момент он оплачивал портовый сбор. Всё указывало на то, что эти трое на корабле одни! Алеа оцепенела от этой мысли. Тесс на вид не намного старше её – может быть, ей тринадцать, а Сэмми… девять или десять? Возможно ли, чтобы они путешествовали на парусном судне без родителей? И вообще, разрешено ли такое?

Тут Алеа сообразила, что Бен, вероятно, потому и велел детям спрятаться, чтобы управляющий портом не заметил, что на корабле нет взрослых…

Теперь Алеа буквально сгорала от любопытства. Тесс, Бен и Сэмми не только плыли туда, куда укажет дротик от дартса, но и жили на корабле совершенно одни!

В это мгновение Бен вернулся на «Крукис».

– Под палубу, – коротко приказал он детям, которые продолжали сидеть в убежище, и Алеа услышала грохот и шорохи.

Затем всё стихло.

В голове у Алеа закружился хоровод мыслей. Она села на низкий бортик неподалёку. Её вдруг охватило жуткое волнение. Она всегда мечтала много путешествовать и увидеть мир. Правда, из-за своей болезни она никогда не хотела плавать под парусом – уж точно нет! – но эти трое жили в точности так, как втайне всегда желала для себя Алеа. Они были свободны. Они жили под открытым небом.

Алеа опустила голову на руки, погрузилась в мечтания и перестала на время каждую секунду проверять экран мобильного телефона.

В течение следующих пяти часов не произошло ровным счётом ничего. Алеа сидела на бортике причала и пристально смотрела перед собой. Марианна так и не позвонила, и страх Алеа постепенно перерос в панику. Она уже много раз набирала номер Марианны и отправила

ей несколько СМС-сообщений, но ответа не получила. Да что там стряслось?! Не может же Марианна просто…

Алеа прыжком поднялась на ноги. Страх вдруг стал таким нестерпимым, что ей захотелось кричать.

– Привет, – вдруг произнёс чей-то голос. Алеа резко развернулась. Рядом стоял Сэмми! На нём была её кепка цвета морской волны. – С тобой всё в порядке?

Алеа смотрела на него во все глаза. Он тащил набитый доверху пакет с продуктами, перекинув его через плечо. Наверное, он ходил в супермаркет.

– Гм-м… да, всё хорошо, – быстро пролепетала Алеа, хотя хорошего было мало.

– Ну, тогда ладно… – Сэмми ещё раз вопросительно взглянул на неё и ловко, как мартышка, взобрался на судно.

Едва он исчез под палубой, как Алеа тут же пожалела, что не ответила иначе. Например: «Вся моя жизнь летит под откос» или «Мне так страшно, что я сейчас взвою». Это была бы правда. Но нет, она бы так не ответила – никому. Алеа не привыкла доверяться другим людям. В школе у неё было всего несколько друзей, но среди них никого, с кем она могла бы поговорить о своих тревогах и страхах. Никого, кому она могла бы позвонить – сегодня, сейчас. Она была совсем одна.

Она заметила, что на «Крукисе» что-то происходит. Сэмми вышел на палубу с подносом и поставил его на маленький столик на корме. Там размещался небольшой уголок, где можно было посидеть. Мальчик разложил там подушки и, к величайшему изумлению Алеа, повесил гирлянду. Тесс накрыла на стол. Похоже, они втроём собирались ужинать на палубе. При этой мысли в животе у Алеа больно забурлило. Она умирала с голоду.

Вскоре появился Бен с большой кастрюлей. Он поставил её на стол и зорко огляделся по сторонам.

– Управляющий портом, наверное, уже ушёл, – подумал он вслух и подсел к Сэмми и Тесс, которые принялись хлопотать над кастрюлей.

– Вермишелевый – лучший суп на свете! – воскликнул Сэмми.

– А я больше люблю томатный, – заявила Тесс и налила себе в тарелку несколько половников вермишелевого супа.

До Алеа донёсся запах супа, и от голода у неё закружилась голова. Ей нужно было срочно что-нибудь съесть. В кошельке оставалось всего шестьдесят четыре цента. Вдруг Сэмми прав и в киоске продаются шоколадные батончики? Может быть, она сможет купить самый маленький батончик? Или половинку?

– Эй, ты! – вдруг услышала она чей-то голос.

Алеа удивлённо обернулась в сторону «Крукиса», потому что голос доносился явно оттуда.

У перил стоял Бен:

– Ты проголодалась?

Алеа вытаращила глаза:

– Я?

– Да. У тебя такой вид, будто ты сейчас грохнешься в обморок. Хочешь есть? Поднимайся на борт.

Подняться на борт? Алеа глубоко вдохнула, и в её голове заметались мысли. Да! Да, она хочет подняться на борт!

Нет! Нет, ни в коем случае.

– Я… я не могу.

– Почему нет? – Бен спрыгнул на берег и подошёл к ней.

Сердце Алеа затрепетало. Что же делать?

– Можешь поужинать с нами, если хочешь, – предложил Бен, который теперь стоял прямо напротив Алеа и изучающе смотрел на неё. – Ты бледная, как призрак. Полагаю, тебе срочно нужен вермишелевый суп.

Алеа медленно кивнула. Но потом покачала головой. Ведь он приглашает её на КОРАБЛЬ! А чтобы на него попасть, придётся прыгнуть. Между причалом и бортом «Крукиса» было не меньше метра. Вдруг она упадет в воду? Нет-нет-нет! Риск слишком велик!

– Чего ты боишься? – спросил Бен.

– Боюсь упасть в воду.

– Ах, вот оно что! – рассмеялся Бен. – Тогда мы перекинем трап.

– *Трап?* – Алеа ещё никогда не слышала этого слова.

– Это такая деревянная доска, которую можно положить между судном и берегом. Обычно нам лень его доставать. Но для тебя мы это сделаем. – Он улыбнулся. – Трап! – крикнул он Сэмми, который висел на перилах и с любопытством на них поглядывал.

Сэмми засуетился, и в скором времени трап уже соединял «Крукис» с сушей, образовав мостик. Алеа испуганно вытаращила глаза, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Надёжен ли он? Выдержит ли?

– Я тебе помогу, – сказал Бен, взял её за руку и осторожно повёл к судну.

Она нерешительно следовала за ним, а внутри неё шла борьба. Какая-то неведомая сила буквально тащила её на этот корабль. За последние несколько часов она много раз ловила себя на мысли, как бы она сама жила на борту этого судна. Но это было очень глупо. Нужно остерегаться воды, любой ценой! Ведь холодная вода опасна для жизни. Выйти в море на корабле – это поистине идиотский поступок.

– Хорошо, – произнесла Алеа и сделала первый шаг.

«Альфа Кру»

Алеа прошла по трапу, буквально вцепившись в ладонь Бена. Юноша крепко держал её, и ей казалось, что, если она вдруг потеряет равновесие, он не даст ей упасть.

– Ты что, плавать не умеешь? – спросил он, идя впереди неё.

Алеа пробормотала «Нет» и с облегчением выдохнула, когда её ноги ступили на палубу. Грохот её сердца отдавался в ушах, но она справилась!

Сэмми вышел ей навстречу:

– Добро пожаловать на «Крукис», – и он отвесил Алеа низкий поклон.

– Спасибо, – едва слышно произнесла Алеа.

– Меня зовут Сэмюэл, – представился он. – Сэмюэл Дракон. Но можешь называть меня Сэмми.

Вдруг пол покачнулся, и Алеа в ужасе вцепилась в перила.

– Судно всегда слегка покачивается. – Сэмми кивнул, словно соглашаясь с самим собой. – В море качка ещё сильнее, чем здесь, в порту.

При этих словах Алеа едва не вырвало.

– Но ведь ничего не случится, правда?

Сэмми рассмеялся:

– Да что тут может случиться, в порту? Не бойся. Ты здесь в безопасности, даже если не умеешь плавать.

Что-то в его голосе успокоило Алеа. Она осторожно отпустила перила. Вообще-то покачивание было не таким уж сильным. Однако мысль о том, что под судном находится вода, привела её в состояние полной боевой готовности, а мечущееся сердце как будто стремилось убедить её, что она начисто потеряла рассудок.

– Мы ужинаем вон там. – Бен указал на уголок на корме, где сидела Тесс и как ни в чём ни бывало поглощала суп. – Если только Тесс нам хоть что-то оставила, – добавил он.

– Иначе остынет, – пробормотала Тесс, не поднимая головы.

«Холодный суп – это было бы очень некстати, – подумала Алеа. – Если суп остыл, мне его есть нельзя».

Бен снова пошёл вперёд, Сэм за ним. Алеа на ватных ногах поплелась следом.

Сэмми обернулся и принялся беззастенчиво её рассматривать.

– А ты красивая, – подвёл он итог.

Алеа опустила глаза и почувствовала, что снова покраснела.

– У тебя лицо прямо как из сказки. Ты очень бледная, а с длинными чёрными волосами похожа на Белоснежку.

Тесс рассмеялась с полным ртом.

Сэмми продолжал рассматривать Алеа:

– И глаза… они у тебя какие-то… клёвые.

– Зелёные, – поспешно пробормотала Алеа. Она уже не раз слышала, что её глаза приводят людей в замешательство. Но почему – этого никто сказать не мог. Глядя на себя в зеркало, она и сама замечала, что глаза у неё необычные. В зелени радужной оболочки что-то поблёскивало. Порой Алеа казалось, что там что-то заперто и рвётся наружу – что-то светлое и блестящее. Однако чаще всего за этой мыслью следовал страх, что это как-то связано с её заболеванием и что блеск указывает на склонность к лихорадке или на что-то посерьёзнее. – У меня зелёные глаза.

– А у меня карие! – воскликнул Сэмми, будто осчастливленный этим фактом. – А волосы у меня рыжие! – сияя, добавил он.

– Да, это… заметно, – сказала Алеа.

Бен указал ей на место за маленьким столиком, и они расселись.

Тесс кивнула Алеа, продолжая жевать.

– Я Тесс, – сказала она.

Алеа снова обратила внимание на акцент, но так и не смогла его идентифицировать.

– А я Бен, – представился Бен.

– Алеа, – сказал Алеа и почувствовала, что постепенно успокаивается.

– Прикольное имечко, – похвалил Сэмми. – Ты вообще вся какая-то прикольная.

Алеа не знала, как реагировать на такое обилие комплиментов.

– Э-э-э… – вот всё, что пришло ей в голову.

Бен рассмеялся:

– Сэмми у нас чересчур напорист.

– А вот и нет! – возразил Сэмми. – Всё, что я говорю, – чистая правда.

Бен ухмыльнулся:

– Я и не спорю. – Он посмотрел на Сэмми с такой любовью, что теперь Алеа уже не сомневалась: эти двое братья.

– А теперь поешь уже наконец, – настойчиво произнёс Бен и наполнил тарелку Алеа вермишелевым супом. Алеа удивилась, увидев на столе четвёртую тарелку. Неужели Бен с самого начала собирался позвать её на ужин? Он что, заметил, как долго она сидит на причале?

Не помня себя от голода, она схватила ложку и попробовала суп. К счастью, он был ещё почти горячий. Алеа налегла на еду. Она так изголодалась, что с радостью бы запрыгнула в этот суп. Почти не жуя, она поспешно проглотила всю вермишель.

– Ого! Ну у тебя и аппетит! – заметил Бен. – Когда же ты ела в последний раз?

– Сегодня утром, – ответила Алеа, прихлёбывая суп.

– У себя дома? – продолжал расспрашивать Бен.

Алеа подняла голову. Вопрос был странный.

– Бен пытается выяснить, не сбежала ли ты из дома, – объяснила Тесс, не глядя на Алеа.

Сэмми улыбался, и в его взгляде тоже читался большой вопрос.

– Нет, я не сбежала, – ответила она, хотя и не была уверена, так ли это на самом деле. Ведь за последние несколько часов она много думала о том, чтобы больше не возвращаться домой и таким образом избежать столкновения со службой опеки. И хотя окончательного решения она пока не приняла, её с натяжкой можно было назвать беглянкой.

Кажется, её ответ Бена не убедил.

– Если не хочешь рассказывать – не надо.

Последовала пауза, и любопытство Алеа возобладало над её робостью.

– А вы беглецы? – спросила она и посмотрела на всех по очереди. Мгновение на корабле царила тишина. Она что, попала в точку?

Бен серьёзно посмотрел на неё:

– Если мы что-то расскажем тебе о нас, ты никому не должна это передавать.

Алеа нахмурилась:

– Почему?

– Потому что тогда нам придётся тебя пристрелить, – сказала Тесс.

Сэмми захихикал.

Бен только покачал головой:

– Просто пообещай.

– Ладно. Обещаю никому ничего о вас не рассказывать.

Бен выглядел довольным:

– Отлично.

– Мы не сбежали из дома, – объяснил Сэмми. – Бен и я живём на «Крукисе». Уже довольно давно.

Бен кивнул.

– Мы с Беном братья, даже если и не похожи, – продолжал Сэмми. – Ведь я намного красивее Бена, и…

Бен залепил Сэмми подзатыльник.

Алеа не смогла сдержать улыбки. Мордашка у Сэмми была скорее симпатичная, нежели красивая: к щербатому рту добавлялись оттопыренные уши. Бен же, напротив, выглядел очень круто, и не только из-за своей взлохмаченной причёски а-ля рок-звезда.

Сэмми объяснил:

– Мы живём на этом корабле четыре года – с тех пор, как умерли наши родители.

– Ох! – Алеа прекратила жевать. – Вы сироты?

– Да, но у нас есть суперский дядя, – сказал Сэмми. – Дядя Оскар. Он много лет жил на «Крукисе», и, когда в результате несчастного случая погибли наши родители, он нас усыновил. Теперь мы всё время в море.

Алеа удивилась:

– Вы уже четыре года живёте на корабле? А как же школа?

Сэмми подмигнул:

– Домашнее обучение. С нами занимался дядя Оскар.

Бен тихо добавил:

– От случая к случаю.

– Дядя Оскар всегда хотел, чтобы мы увидели мир. – Сэмми энергично кивнул. – Так мы и сделали. Мы уже пересекли все моря и океаны на нашей планете!

Тесс добавила:

– Бен говорит на восьми иностранных языках. Сэмми – на четырёх.

Сэмми гордо задрал подбородок, а Бен отрицательно покачал головой:

– Мой исландский пока никуда не годится, и арабский ещё стоит подучить.

Сэмми пренебрежительно махнул рукой:

– К тому времени, как мы снова двинемся на Восток, ты уже отлично освоишь арабский.

– А где же ваш дядя? – спросила Алеа. – Он здесь, на борту?

– Нет, у него сейчас другие дела, – ответил Сэмми.

– Он писатель, – пояснил Бен. – Вероятно, ты о нём ещё не слышала. Его зовут Оскар Уоленди.

Алеа была вынуждена покачать головой.

– Он пишет суперские книги. – Рассказывая, Бен продолжал есть. – Полгода назад дядя Оскар решил уйти в тибетский монастырь, чтобы заняться там медитациями и написать новую книгу.

– Полгода назад Бену исполнилось восемнадцать, – продолжил Сэмми. – Дядя Оскар знал, что мы и одни отлично справимся, пока он поживёт у монахов.

Бен кивнул:

– Он научил нас всему, что может пригодиться в жизни.

– Но ведь он не дал своего разрешения на то, чтобы вы одни плавали на этом корабле, ведь так? – подумав, осмелилась спросить Алеа.

Сэмми скорчил гримасу:

– Хороший вопрос.

– Это нам неизвестно, – признался Бен. – Из-за того что мы столько лет провели в плаваниях, мы нигде не зарегистрированы. Я точно не знаю, имею ли я право обучать Сэмми и могу ли я как старший брат взять его под свою опеку, но думаю, что имею и могу. Мы не хотели спрашивать об этом в соответствующих инстанциях, чтобы не шуршать в муравейнике.

– А разве ваш дядя не знает этих нюансов? – спросила Алеа.

Бен пожал плечами:

– Он никогда не думал о таких вещах.

Теперь Алеа поняла, почему они так осторожно вели себя с управляющим портом и в кафе. Не привлекать к себе лишнего внимания – в данной ситуации это, конечно, наилучшее решение.

– Кстати, «Крукису» больше сорока лет, – не без гордости сообщил Бен.

– А почему корабль называется «Крукис»? – спросила Алеа, которой очень хотелось узнать как можно больше. Её жизнь в сравнении с их пиратским существованием выглядела совершенно однообразной.

Бен взял кусок хлеба и, намазывая его сливочным маслом, ответил:

– Альфа Крукис – самая яркая звезда в созвездии *Южный Крест* – слышала о таком?

Алеа покачала головой. О созвездиях она не знала ровным счётом ничего.

– Наш дедушка, который много лет назад построил это судно с нашим папой и с дядей Оскаром, умел ориентироваться в море по звёздам. Как мореплаватели в далёком прошлом.

Алеа была поражена:

– Как это?

– Можно ориентироваться по звёздам на ночном небе; они указывают путь. Если у тебя есть секстант, то они с большой точностью подскажут тебе, где ты находишься и в какую сторону тебе двигаться.

Алеа не знала, что такое секстант, но блеск в глазах Бена ей очень нравился.

– Дядя Оскар научился ориентироваться по звёздам у нашего дедушки, а потом научил этому нас, – объяснил Бен.

– И что? – Теперь Алеа была просто ошарашена. – Вы тоже так можете?

Бен кивнул, будто это самое обычное дело.

Лицо Сэмми растянулось в широкой улыбке:

– Я постоянно путаю *Кассиопею* с *Ящерицей*, но в остальном знаю небо вдоль и поперёк!

Тесс, которая, казалось, была полностью поглощена едой, издала какой-то звук, словно подтверждая всё вышесказанное.

– «Крукис» – прикольное название, – сказала Алеа. – Мне нравится. Оно очень необычное и такое же яркое и броское, как и сам корабль.

– Ты считаешь наш корабль ярким и броским? – с тревогой спросил Бен.

Алеа кивнула, махнув рукой:

– Во всяком случае, сегодня днём он сразу бросился мне в глаза.

Сэмми уставился на её руки:

– Ты перчатки никогда не снимаешь? Даже во время еды?

Алеа чуть не поперхнулась. К счастью, Бен в этот момент сказал:

– Мы специально не перекрашиваем «Крукис». На самом деле это очень красивый и необычный корабль, но мы поддерживаем его слегка обшарпанную наружность, чтобы никто не мог его запомнить. Что именно привлекло твоё внимание?

– Не знаю. – Алеа задумалась. – От него словно веет приключениями. И свободой.

Сэмми просиял:

– Да, так и есть! Мы искатели приключений!

Бен закатил глаза.

– Не слушай его, – сказал он Алеа. – Честно говоря, я прилагаю все усилия, чтобы приключений здесь было как можно меньше.

Однако у Алеа сложилось впечатление, что Бен и сам без ума от жизни на грани дозволенного.

Сэмми подтвердил её догадку:

– Конечно же, ты любишь приключения, Бен! Ты любишь приключения! – Он беззаботно рассмеялся. Так, будто в его жизни не было никаких проблем. Затем взял маслёнку, нож и

принялся мазать сливочное масло на обе стороны своего хлеба. С наслаждением впившись зубами в бутерброд, он заметил взгляд Алеа и с полным ртом произнёс: – Почему должна быть вкусной лишь одна сторона, если можно намазать маслом обе?

Алеа усмехнулась.

Сэмми усмехнулся в ответ.

– Алеа, а ты любишь приключения? – вдруг спросила Тесс.

Алеа задумалась. В её жизни пока не было ни одного приключения. Из-за болезни она всегда в первую очередь считала себя пациенткой, а не человеком, с которым происходит что-то интересное. Поэтому её ответ удивил её саму:

– Думаю, да.

Тесс окинула её изучающим взглядом и продолжила есть.

– Я тоже! – воскликнул Сэмми. – Мы все обожаем приключения! Поэтому мы шайка.

Алеа вскинула брови:

– Вы шайка?

Бен кивнул.

– Мне всегда хотелось быть в шайке, – объяснил Сэмми. – Но долгое время на борту были только Оскар, Бен и я. А потом вообще только мы с Беном. Но с тех пор как с нами Тесс, всё стало совсем по-другому!

Алеа взглянула на Тесс.

– А как давно ты… – начала она.

Но Сэмми продолжал тараторить:

– Мы называем себя «Альфа Кру». – Сияя, он смотрел на Алеа и, видимо, ждал её реакции. – Хочешь узнать почему? – с нетерпением спросил он.

– Конечно!

– Как я уже говорил, самая яркая звезда в созвездии Южный Крест называется по-латыни *Альфа Крукис*, или *Альфа Кру*. – От радости Сэмми потёр ладоши. – «Кру» звучит как английское «crew», то есть экипаж, команда, банда. Гениально, да?

Алеа криво усмехнулась. В этом было что-то ребяческое.

– У нас у всех есть пиратские клички! Имена мы не меняем, а вот фамилию выбираем в соответствии с созвездиями! – выпалил Сэмми. – Это я придумал! – Он снова выжидающе посмотрел на Алеа.

– Круто, – похвалила она.

К разговору присоединился Бен:

– Сэмми придумал особый ритуал для выбора пиратской клички. – Судя по его тону, это вовсе не казалось ему детской игрой. – Вроде того ритуала, с помощью которого мы определяем нашу дальнейшую цель.

– Сегодня я это уже наблюдала, – не сдержалась Алеа.

– Неужели? – с ироничной улыбкой спросил Бен. Судя по всему, он точно так же весь день наблюдал за Алеа, как она – за кораблём и его экипажем. – Здесь, на борту, есть древняя книга о созвездиях на латыни. Нужно взять её и листать не глядя.

– А потом ты открываешь любую страницу, – нетерпеливо перебил его Сэмми, – и название созвездия на этой странице становится твоей пиратской кличкой!

Постепенно всё это стало казаться Алеа в некотором роде интересным.

– И какие клички выпали вам в результате этого ритуала?

– Я Сэмми Дракон, – энергично ответил Сэмми. – Дракон – отличное созвездие. – Сэмми уже не говорил, а просто визжал от восторга. – А Бена зовут Бен Весы.

Бен изобразил поклон, как будто его только что официально представили.

– А Тесс у нас – Тесс Телец. – Сэмми вскочил на ноги. Похоже, от возбуждения он уже не мог усидеть на месте. – Мы были бы рады, если бы в нашей шайке появился кто-то ещё!

Бен поднял руку:

– Спокойно, Сэмми. Не торопи события.

– Но Алеа стала бы идеальным членом шайки! – возразил Сэмми. – Она наверняка сбежала из дома, а в каюте Тесс есть свободная койка. Она бы отлично вписалась в наш корабль!

Алеа с громким стуком отложила ложку в сторону.

Бен взмахнул рукой, словно желая всех успокоить:

– Алеа даже плавать не умеет. Кроме того, нам о ней ничего не известно.

– Обо мне вы тоже ничего не знали, когда приняли в свою шайку, – сказала Тесс.

Алеа насторожилась. Неужели Тесс только что вступилась за неё? У неё в животе приятно защекотало, как будто внутри разлилась шипучка. Они что, все трое хотят взять её с собой?

– Давайте я для начала просто сбегаю за книгой! – И спустя мгновение Сэмми скрылся под палубой.

Алеа вопросительно посмотрела на Бена и Тесс.

– Не поддавайся его напору, – сказал Бен.

Тем временем Сэмми уже вернулся назад.

– Вот она! – Он размахивал большой энциклопедией с пожелтевшими страницами.

– Сэмми! – строго прикрикнул Бен. – Мы не можем провести ритуал с Алеа, ничего не обсудив!

Сэмми с мольбой посмотрел на Бена. Они в буквальном смысле сражались взглядами. Сэмми отвёл глаза первым.

– Ладно, – едва слышно сказал он и встал рядом со столом – он был слишком взволнован, чтобы сесть. – Тогда давайте поговорим!

Все взгляды устремились на Алеа.

Алеа заметила, что её руки дрожат, и спрятала их под стол.

– Что ещё тебе хочется о нас узнать? – спросил Бен.

Алеа раскрыла рот, но тут же снова его закрыла. Она хотела задать сотни вопросов – но как назло, в эту секунду не могла вспомнить ни одного!

– Как ты попала к мальчикам? – наконец спросила она у Тесс. Ей и правда было интересно это узнать.

– Дело случая, – ответила Тесс.

– Судьба! – поправил её Сэмми.

Тесс невозмутимо продолжила:

– Я француженка.

Ну конечно! Алеа чуть не хлопнула себя по лбу. У Тесс определённо французский акцент!

– Я расскажу тебе, как я попала на борт, – сказала Тесс с безразличием, которому Алеа могла лишь позавидовать. – Пару недель назад мои родители расстались, и они собираются разводиться. – Пока она говорила, на её лице не дрогнул ни один мускул. – Они разрешили мне путешествовать во время летних каникул, чтобы я могла… – она явно подбирала слово, – немного развеяться.

Алеа вопросительно посмотрела на неё. Сколько Тесс лет? Двенадцать? Тринадцать? Как же родители позволили тринадцатилетней девочке путешествовать в одиночку?!

– Я всегда хотела в Англию, – продолжала Тесс. – Поэтому поехала в Лондон на скоростном поезде – без билета, зайцем.

Изумление Алеа росло с каждой секундой.

– С собой я взяла только рюкзак и аккордеон. – Тесс пожала плечами. – На площади Пикадилли я наткнулась на Бена и Сэмми. В школе у меня всегда были пятерки по немецкому, кроме того, у нас соседи из Германии. Бен и Сэмми говорили о том, что им нужен ещё один участник для их уличной музыкальной группы, и я просто подошла и заговорила с ними.

– У неё бомбический голос! – воскликнул Сэмми. – Она наша рок-принцесса! Наша пиратская рок-принцесса!

– Ты ведь слышала, как она поёт, да? – спросил Бен.

– Да, она поёт отлично, – ответила Алеа, стараясь ничего не упустить из рассказа Тесс.

– Тесс с нами две недели, – добавил Сэмми. – И теперь мы своими выступлениями зарабатываем гораздо больше. Например, в Брюгге мы за один вечер собрали двести евро!

– Значит, вы путешествуете по разным странам? – осторожно спросила Алеа.

– Большую часть времени – да. В Лондоне Тесс метнула дротик для дартса – и он угодил в Северную Германию. Поэтому мы прибыли в Гамбург, по пути много останавливались и осматривали города. Мы всегда так делаем. Пристать где-нибудь в красивом уютном месте и изучать окрестности – что может быть прекраснее!

Алеа жадно ловила каждое слово Сэмми. Жизнь, которую он описывал, была необыкновенной, и это пробудило в ней такую тоску, которую она не испытывала никогда прежде.

– Впрочем, Сэмми и меня уже через полчаса после знакомства спросил, не хочу ли я войти в их шайку, – с ухмылкой призналась Тесс.

– Лучший член шайки! – уверенно подтвердил Сэмми.

Тесс пожала плечами:

– Я подумала: почему бы и нет? Мальчики вели себя очень мило, и в любом случае путешествовать с ними лучше, чем быть одной.

Это Алеа понимала как никто другой.

Бен наблюдал за ней.

– Ты ведь тоже одна, верно? – Он смотрел на неё так, словно ему очень хочется это узнать, но он сочтёт совершенно нормальным, если она не ответит.

– У меня есть… приёмная мама… – Алеа запнулась. Можно ли довериться этим троим? Она никогда так легко с людьми не откровенничала! Не уставая удивляться самой себе, Алеа продолжала: – Её зовут Марианна, и она взяла меня, когда я была совсем маленькой. Её родной сын к тому времени уже от неё съехал, и нас всегда было только двое. Мы вдвоём – против всего остального мира. – Алеа хрипло рассмеялась, и на глаза у неё навернулись слёзы. – Сегодня утром у Марианны случился инфаркт.

Сэмми закусил нижнюю губу:

– О-о-о.

Алеа почувствовала ужасное волнение.

– Я боюсь, что она умрёт, – призналась она едва слышно, почти шёпотом. – Марианна обещала мне позвонить, и я целый день ждала, но она так и не объявилась. Может, она уже… – Алеа больше не могла сдерживать слёзы. – Может, она уже умерла.

На мгновение повисла тяжёлая тишина, а потом Сэмми обнял Алеа. Это произошло совершенно неожиданно, и Алеа хотя и удивилась, но не отпрянула. Мальчик прижал её к себе, и Алеа инстинктивно подняла руки и тоже обняла Сэмми. А потом она почувствовала, что её обнял Бен.

– Тесс, ты тоже, – и Сэмми движением головы показал, чтобы она подошла к ним.

Но Тесс лишь отмахнулась:

– Да не, у вас там и без меня тесно.

Мальчики продолжали крепко обнимать Алеа, и при обычных обстоятельствах она поспешила бы поскорее вырваться из этих проявлений симпатии. Это ведь даже более чем странно! Но здесь и сейчас обниматься было до того приятно, что она закрыла глаза и не дёргалась. Волны внутри неё постепенно утихли.

Когда Сэмми и Бен разомкнули объятия и отпустили её, Алеа вытерла перчаткой слёзы и, удостоверившись, что длинные волосы хорошо прикрывают уши, робко улыбнулась.

– К этому тебе придётся привыкнуть, – заявил Сэмми. – Я… э-э-э… как это там называется? – он вопросительно взглянул на Бена.

– Прилипала, – подсказал ему тот и подмигнул Алеа. – Сэмми будет висеть на тебе столько, сколько ты позволишь. – Рассмеявшись, он добавил: – Да он и других в свои объятия затягивает. – Бен снова посерьёзнел. – На твоём месте я бы не стал ждать, когда позвонит приёмная мама. Почему ты не сходишь в больницу и не проведаешь её?

Алеа покачала головой:

– Там может поджидать кто-нибудь из службы опеки. Ведь, кроме Марианны, у меня никого.

– Может, там никого и не будет! Так быстро эти службы не реагируют! – возразил Бен.

– Но отсюда до больницы очень далеко, – покачала головой Алеа. – Проездного билета у меня нет, а денег всего шестьдесят четыре цента.

– Тогда придётся поехать автостопом, – предложил Сэмми.

Алеа вздрогнула. Марианна столько раз предостерегала её от поездок автостопом, что такая идея ей бы и в голову не пришла.

– Конечно, ты поедешь не одна, – тут же подхватил Бен. – Это слишком опасно. А вот если мы поедем все вместе, будет отлично, правда?

Алеа растерялась:

– Вы хотите поехать со мной?

– Почему бы нет? – улыбнулся Бен и взглянул на остальных. – Или у нас есть планы получше?

– Не-ет! – завопил Сэмми.

Тесс пожала плечами.

– Ну, тогда мы едем с тобой! – Бен рассмеялся.

Алеа тоже хотелось смеяться, хотя она до сих пор не верила в происходящее. Весь день она чувствовала себя крайне паршиво, а всего за один последний час ей стало гораздо, гораздо легче.

– Было бы классно, – с трудом выдавила она и оглядела их всех по очереди.

– А теперь ты готова стать членом шайки? – взволнованно спросил Сэмми.

– Я… – Алеа не знала, что ответить. Если Марианна скоро поправится, то ей, конечно, лучше остаться дома и ни в коем случае не бороздить океаны с этой шайкой! При этой мысли в ней проснулось лёгкое сожаление, что, в свою очередь, заставило её ощутить чувство вины. Само собой, сейчас больше всего на свете ей бы хотелось, чтобы Марианна выкарабкалась. А вот если нет…

– Ты не обязана отвечать сейчас, – прервал Бен ход её мыслей.

– Ну уж нет! – возмутился Сэмми. – Сейчас как раз самый… подходящий момент. Нужно немедленно провести наш ритуал с Алеа. Потому что это лучший момент во Вселенной! А если потом она передумает – ничего страшного, зато она хотя бы один вечер побудет членом «Альфа Кру».

Против этого Бену возразить было нечего. Он вопросительно посмотрел на Алеа:

– Ты согласна?

Алеа не сомневалась в ответе. По сути, она знала его всё это время, весь этот вечер и даже весь день. Она хотела стать частью этой банды. Она хотела быть вместе с этими тремя любителями приключений, хотя желание поселиться на корабле было абсолютно безрассудным. Даже более чем безрассудным. Должно быть, она окончательно слетела с катушек.

– Я согласна, – ответила она.

Что-то в тоне Алеа заставило Тесс повернуть голову в её сторону. Алеа и сама это услышала. Её голос звучал твёрдо, как если бы её решение было окончательным и бесповоротным.

Сэмми издал ликующий крик и протянул Алеа античную книгу:

– А теперь листай!

Алеа взяла книгу в руки. Она оказалась такой тяжёлой, будто в ней хранились знания всего мира.

– Закрой глаза! – Сэмми едва не захлёбывался от радости.

Тесс и Бен, казалось, тоже затаили дыхание. Момент неожиданно стал торжественным.

Алеа закрыла глаза и принялась листать книгу, легко пропуская страницы через пальцы. Вдруг она остановилась. Здесь. Она это чувствовала. Вот нужное место. Именно здесь оно и указано. Её второе имя.

Алеа открыла глаза.

– «*Aquarius, Водолей»,* – прочитала она. По телу побежали мурашки, и всё в ней – каждая клеточка – завибрировало.

– Я Алеа Водолей.

Искатели приключений

Бен стоял на шоссе, подняв вверх большой палец. Тесс и Алеа ждали на обочине, а Сэмми прыгал с бордюра.

Мысли в голове у Алеа скакали и путались. Она никак не могла осознать, что находится по пути в больницу. Одна она бы никогда не решилась проявить инициативу и поехать туда автостопом. Но теперь она была членом шайки, которая, похоже, не так уж добросовестно следовала правилам этого мира.

Алеа потёрла виски. Слишком много всего навалилось в один день. Одна эта кличка чего стоит! *Водолей.* Водолей. Вся эта тема с созвездиями, безусловно, очень увлекательна, но то, что именно она получила кличку Водолей, просто смешно. Если кто и был безмерно далёк от воды, так это она.

– Напомните мне мифологическую роль Водолея? – спросил Сэмми, балансируя на бордюре.

– Водолей пережил потоп и стал родоначальником людей, – сказал Бен.

– Здорово, да? – Сэмми обернулся к Алеа. – Ты станешь родоначальником людей. Или, скорее, родоначальницей, верно? – Он захихикал.

Алеа вздохнула. Скорее бы остановился какой-нибудь автомобиль и отвёз их в другую часть города! Было уже довольно поздно, а Алеа не знала, насколько строго в больнице с часами посещений.

Сэмми подбежал к Бену:

– Дай я попробую.

– Опять будешь танцевать? – с подозрением спросил Бен.

Сэмми ухмыльнулся:

– Но ведь пару раз это сработало!

Он встал перед Беном, сосредоточился – и вдруг задёргался из стороны в сторону, как будто услышав какой-то ритм. Его руки взметнулись вверх, и он начал делать какие-то странные движения. Подразумевалось, что это танец, но выглядел Сэмми так, словно старался отогнать от себя осу.

– Знаете, какую песню я слышу? – крикнул он. – Я слышу одну очень известную песню!

Они так и не узнали, какая песня звучит в его голове, потому что рядом с ними затормозил автомобиль. За рулём сидела молодая женщина. Поняв, что ей придётся взять не только Сэмми и Бена, но и ещё двоих, она была явно не восторге. Но Сэмми ослепил её своей беззубой улыбкой:

– Вы настоящее сокровище!

После того как все расселись, Бен рассказал женщине, что они танцевальная группа в стиле хип-хоп, он руководитель группы, и они торопятся на выступление, а на автобус, к сожалению, опоздали. Сэмми на заднем сиденье был готов вот-вот прыснуть от смеха, но когда Тесс предостерегающе наступила ему на ногу, сумел с собой совладать.

В машине играло радио. Большинство песен Сэмми знал наизусть и подпевал во всё горло. Когда началась песня в стиле рок, Тесс тоже подключилась, и женщина за рулём изумлённо обернулась к ней:

– Знаете, в моем районе есть музыкальная группа для подростков, и я являюсь её руководителем. Нам бы такие голоса не помешали!

Сэмми и Тесс улыбнулись, но ничего не ответили.

– Вы поёте фантастически! – продолжила женщина. Вид у неё был явно потрясённый. – А танцуете так же хорошо?

– Конечно! – сияя, воскликнул Сэмми.

Зазвучала новая песня, и тут даже Бен стал подпевать своим зычным голосом. Только Алеа молчала. Ей было совсем не до пения. Они подъезжали к больнице, и у неё внутри всё сжималось от страха.

Остановившись на последнем светофоре перед больницей, женщина внезапно указала на плакат и воскликнула:

– О, вы что, едете туда?

На стене дома висел яркий плакат, на котором было написано: «*Встряхнись! Выступление молодёжных танцевальных коллективов в театре Тикки».* Внизу стояла сегодняшняя дата и стрелка с указанием «*Ещё 300 метров»,* которая была направлена за угол улицы.

Тесс ахнула, а у Бена посерело лицо.

Женщина решительно заявила:

– Тогда я довезу вас до места. Это прямо за углом.

Когда она снова отвернулась и сосредоточилась на дороге, Бен оглянулся на Сэмми, Тесс и Алеа. Его глаза спрашивали: «Что нам теперь делать?»

Тесс почесала подбородок, а Сэмми пожал плечами, как бы говоря: «Ну, значит, пойдём туда».

Алеа растерянно нахмурилась. Они ведь ехали в больницу!

Автомобиль остановился, и женщина сказала:

– Если вы не против, я пойду с вами – вдруг я позаимствую какие-нибудь идеи для своей музыкальной группы? – Она вышла из машины, и им ничего не оставалось, кроме как сделать то же самое.

Происходящее не укладывалось у Алеа в голове: они ведь не собираются заходить в театр и выступать? Если Тесс и Бен танцуют так же, как Сэмми, то ребята просто выставят себя на посмешище.

– Давайте попробуем смыться, – на ходу шепнула она Бену.

– Не получится, – шепнул он в ответ. – Если мы смоемся, женщина что-то заподозрит. – Вид у него был озабоченный. – А решив, что мы сбежали из дома, люди сразу звонят в полицию. Поэтому нам придётся через это пройти.

Он говорил серьёзно! От ужаса у Алеа отнялись ноги и руки. Она ещё ни разу не выходила на сцену. Даже когда нужно было читать реферат в школе, она находила возможность этого избежать, потому что ненавидела выступать перед аудиторией. А теперь ей предстоит подняться на сцену!

Сэмми ей подмигнул.

– Ты ведь говорила, что любишь приключения, а? – подколол он её. – Вот тебе первое!

Алеа не смогла даже улыбнуться – она только в ужасе посмотрела на Сэмми.

– После этого поедем в больницу, – тихо пробормотал ей Бен.

Тесс вполголоса спросила Алеа:

– Ты танцевать умеешь?

– Нет! А ты?

Тесс покачала головой:

– Не на таком уровне, чтобы выступать на сцене. – Однако при этом она вовсе не выглядела напуганной – скорее слегка взволнованной.

Вскоре они вошли в театр. Выступления уже шли полным ходом, и в фойе не было ни души. Бен заговорил с каким-то мужчиной, вероятно устроителем данного мероприятия, затем взмахом руки подозвал к себе остальных:

– Вот наши пропуска на сцену.

Алеа сглотнула. Пути назад уже не было.

Женщина, которая их подвезла, пожелала им удачи и направилась ко входу в зал, чтобы найти свободное место.

Организатор повёл ребят к гардеробу, продолжая разговор с Беном, и Алеа уловила такие фразы, как «Ума не приложу, как могла потеряться ваша заявка на участие» и «Вообще-то наша программа уже сформирована, но если для вас это так важно…»

У Алеа подкашивались ноги, но она тащилась вслед за остальными.

Когда они подошли к гардеробу, организатор сказал:

– Половина участников уже выступили. Ваша очередь через десять минут. У вас есть CD?

Бен передал ему диск:

– Трек номер один.

Сэмми бросил на брата изумлённый взгляд.

– Тогда всё, – кивнул мужчина. – Вас объявят.

Как только он ушёл, Сэмми спросил:

– Что это за диск?

– Он лежал в машине той женщины. Я прихватил его с собой.

– И что на нём записано? – поинтересовалась Тесс.

– Понятия не имею. Это самостоятельно записанный диск с надписью «Разное». – Бен потряс головой. – Надеюсь, там не тяжёлый металл и не народные песни и тому подобное…

– *Merde*[1], – пробормотала Тесс и скрестила руки на груди.

А Сэмми, напротив, чувствовал себя абсолютно в своей тарелке:

– Давайте выучим парочку танцевальных движений. Что-то, что мы сможем выполнить синхронно?

– Нет времени, – отрезал Бен.

Тесс застонала:

– И что? Мы выйдем на сцену и будем просто… стоять?

– Будем танцевать, – спокойно объяснил Бен. – Только каждый будет танцевать по-своему.

– Каждый по-своему? – удивилась Тесс. – Как это?

– Представьте, что вы хотите очень многое сказать своим танцем, – пожал плечами Бен.

Тесс смотрела на него, не в силах вымолвить ни звука. Сэмми ухмылялся.

Бен невозмутимо продолжал:

– Танцуйте так, словно вас переполняют чувства, которые вам хочется выплеснуть, выразив их движениями и мимикой.

Алеа не понимала, шутит он или говорит всерьёз. Сэмми продолжал улыбаться во весь рот. Но шутил Бен или нет, а Алеа не сомневалась, что на сцене не сможет пошевелиться и, скорее всего, будет стоять неподвижно, как перепуганный олень, ослеплённый автомобильными фарами.

К ним подошёл один из помощников и отвёл их за сцену. Сердце Алеа билось так, что она ощущала его даже в пальцах ног.

– Вы что, без костюмов? – удивился организатор.

– Да. Уличная одежда – часть нашей концепции, – ответил Бен.

Тесс громко фыркнула.

Сэмми ткнул Алеа локтем.

– Хочешь, я тебе её верну? – спросил он и снял с головы кепку Алеа цвета морской волны.

Алеа надела её дрожащими руками. В этой кепке она и впрямь чувствовала себя более сильной, но это всё равно не поможет ей избежать величайшего позора в своей жизни.

Когда всё началось, помощник подал им сигнал, и они вышли на сцену.

Сэмми встал впереди всех и ослепил публику беззубой улыбкой. Он так часто выступал на разных улицах мира, что не чувствовал ни капли стеснения. Напротив, Бен был напряжён,

[1] Проклятие (*фр.*).

а Тесс как будто безропотно подчинилась судьбе. Алеа догадывалась, что Тесс всё бы отдала, чтобы ей разрешили петь, а не танцевать.

Алеа стояла на сцене, вжав голову в плечи и не зная, куда смотреть. Если бы в полу образовалась яма, она бы не раздумывая в неё прыгнула.

Когда заиграла музыка, Бен с облегчением выдохнул, потому что это оказалась спокойная фортепианная баллада. Под неё уж точно можно выразить глубокие чувства.

Сэмми уже приступил к выполнению задачи. Активно жестикулируя, он дёргался на сцене с таким трагическим лицом, будто танцевал «Умирающего лебедя». Тесс и Бен тоже начали двигаться. Тесс, слегка подпрыгивая, делала пружинистые шаги и размахивала руками, а Бен с драматизмом на лице кружился вокруг своей оси, а затем рухнул на колени, будто сломавшись под тяжестью своих чувств.

Алеа не могла пошевелиться и стояла на сцене с широко распахнутыми глазами. Люди в зрительном зале представлялись ей тёмной массой, угрожающей поглотить её своими взглядами.

Сэмми, танцуя, приблизился к Алеа и жестами пригласил её присоединиться к его танцу. Бен, поднявшись с колен и продолжая вертеться, тоже подскочил к ней и с выражением муки на лице протянул ей руку. Алеа его руку не приняла, и он снова рухнул на колени. Алеа подумала, что в этом «спектакле» именно она и есть умирающий лебедь. Тесс закручивала вокруг Алеа дикие пируэты и делала вид, что хочет её схватить, но её руки соскальзывают с невидимой стены, что, несомненно, вызывало у зрителей сильные эмоции.

Раздались аплодисменты, но Алеа решила, что ослышалась. Людям понравился этот провальный номер?! Она попробовала вспомнить, умер ли лебедь в том самом классическом балете. Сама она чувствовала себя так, будто вот-вот отправится на тот свет.

Бен вдруг встал перед Алеа на колени и поднял её на руки. Она воспарила над сценой. Бен поддерживал её за бедра, а Тесс и Сэмми делали вид, что тоже несут Алеа. Значит, лебедь всё-таки умер?

– Делай что-нибудь! – прошипел ей Сэмми.

– Что? – процедила между зубов Алеа.

Сэмми смотрел на неё с мольбой:

– Что-нибудь!

Алеа закрыла глаза. «Что-нибудь. Что-нибудь…»

Нерешительно подняв руки, она вытянула их вверх, при этом с надеждой глядя вдаль, словно будущее лебедя скрывалось там, в бесконечности горизонта – ну или типа того.

Сэмми тоже поднял руки вверх и широко улыбнулся публике. Похоже, лебедь был спасён. Тесс схватилась за сердце и на радостях исполнила ещё один пируэт.

На этом песня закончилась.

Раздались оглушительные аплодисменты. Люди и правда хлопали! Они что, рехнулись?! Бен осторожно опустил Алеа, и все вчетвером взялись за руки и поклонились.

– А теперь улыбнись! – прошептал Сэмми Алеа, и та смущённо приподняла уголки губ. Остальные трое как будто наслаждались бурными овациями, и Алеа наконец решилась посмотреть на зрителей. Они ликовали и радостно улыбались, глядя на неё. Это было безумно странно, но и по-странному прекрасно.

Алеа вдруг почувствовала огромное облегчение. У них получилось! И хотя они выставили себя на посмешище, зато их не разоблачили.

Они вчетвером дружно подняли руки вверх, и гримаса Алеа сменилась искренней улыбкой, потому что она вдруг ощутила чувство, гораздо более приятное, чем облегчение: чувство сопричастности. Они были одной командой и вместе справились с этим особенным выступлением.

Поклонившись ещё раз, они сделали несколько шагов назад, и на этом их выступление завершилось. Когда они уходили со сцены, Бен тихо сказал Алеа:

– Ты отлично справилась.

И хотя это было сильным преувеличением (она же выполнила всего одно движение – подняла руки вверх!), Алеа всё равно обрадовалась его похвале и незаметно улыбнулась.

Обращаясь к Тесс, Бен сказал:

– Красивые пируэты!

Тесс закатила глаза и шлёпнула его по руке. Видимо, она чувствовала себя неловко. Сэмми же безумно радовался, что они хорошо выступили, и вприпрыжку скакал впереди.

За сценой один из помощников протянул им бутылки с водой:

– Уверен, что вас мучает жуткая жажда.

Сэмми, Бен и Тесс взяли себе по бутылке и стали пить большими глотками. А Алеа покачала головой.

– Не хочешь пить? – удивился Сэмми. – Ты и за ужином ничего не пила.

Сэмми всё подмечает! Алеа пробормотала что-то насчёт того, что в данный момент жажды не испытывает.

К ним подошёл организатор.

– Было очень интересно! – сказал он. – Насчёт техники исполнения – тут, конечно, есть над чем поработать, но что касается эмоциональной наполненности, то это просто поразительно!

– Спасибо, – ответил Бен. – Эмоции для нас самое главное.

– В одиночку человек не справится, но вместе мы сильны – это крайне важная тема, и вы очень выразительно её проработали. – Организатор выглядел довольным. – Вот ваш диск, – сказал он. – Молодцы, что пришли поучаствовать! – На этом он с ними распрощался.

Сломя голову они ринулись к выходу и в фойе наткнулись на молодую женщину, которая их сюда подвезла.

– Классное выступление! – восторженно воскликнула она. – Вообще-то хип-хоп я представляла себе иначе, но ваш танец получился поистине уникальным. Но самое прекрасное – это песня! Знаете, а ведь это моя любимая песня!

– Мне она тоже нравится, – с серьёзной миной сказал Бен, – заставляет задуматься, верно?

Сэмми поджал губы: похоже, он изо всех сил сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Женщина этого не заметила:

– Вы добьётесь успеха. Огромного успеха! – Она похлопала Тесс по плечу. – Отвезти вас домой?

– Нет, спасибо, – ответил Бен. – Детей заберут родители. Они где-то здесь, в зале. А у меня запланирована ещё одна встреча.

Женщина улыбнулась:

– Было приятно с вами познакомиться.

– Взаимно! – воскликнул Сэмми и пожал ей руку.

Женщина рассмеялась и, сказав «До свидания», пошла обратно к машине.

Как только она скрылась из виду, они вчетвером молниеносно выскочили из театра. Оказавшись на улице, Бен застонал:

– Господи, надеюсь, она не сильно удивится, когда заметит, что её диск теперь лежит у неё в сумке…

Сэмми пренебрежительно отмахнулся:

– Всякое бывает.

Бен рассмеялся, обнял брата и взъерошил ему волосы:

– Ладно, всё хорошо! Ну и приключение!

Сэмми сиял.

Тесс и Алеа стояли рядом, наблюдая, как дурачатся мальчишки. Тесс наклонилась к Алеа и тихо сказала:

– Путешествовать с этими двумя – не самое плохое занятие в жизни.

Алеа выдохнула, избавившись наконец от напряжения, которое накопилось за последнее время.

– Просто они немного… странные?

– Да, есть немного. Но странные *по-хорошему*. – На лице Тесс мелькнуло что-то похожее на улыбку. – Просто они такие, какие есть, и не боятся быть собой.

Алеа молчала. Слова Тесс снова пробудили в ней тоску. И всё-таки она сомневалась. Если стать членом шайки, то все дни будут похожи на этот? И будут переполнены событиями?

– До больницы отсюда недалеко, – сказал Бен.

Алеа как будто окатил холодный душ.

Марианна.

С тех пор как они вошли в здание театра, она ни разу не вспомнила про Марианну! Ей в ту же секунду стало жутко стыдно, да и чувство страха не заставило себя долго ждать.

Бен изучающе смотрел на неё:

– Слишком много всего, да?

Она кивнула. Хорошо бы сейчас просто где-нибудь присесть и… поесть.

– Ты ведь не одна, – сказал Сэмми, подойдя к Алеа и положив голову ей на плечо.

Она снова невольно улыбнулась.

Вскоре они тронулись в путь. После недолгих колебаний Алеа взяла себя в руки и теперь нога в ногу шагала рядом с остальными. И это было для неё так необычно!

Когда они проходили мимо небольшого торгового центра и Алеа увидела в витринах их отражение, в ней с новой силой вспыхнуло то сильное чувство, которое она испытала, когда они вместе кланялись перед публикой: они очень разные – но они одна команда. Одна шайка.

«Альфа Кру».

История Алеа

Они молча шли к больнице, и Алеа, теперь член шайки, чувствовала себя сильной и на подъёме. Но на пороге здания она чуть не разрыдалась.

Они вместе вошли в приёмную, и Бен спросил про Марианну. Алеа слышала, как он представился её внуком, после чего дама за стойкой назвала ему номер палаты.

– Значит, она жива! – выдохнула Алеа и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– Это ведь уже хорошо, правда? – спросил Сэмми.

– Хорошо?! – Алеа визгливо рассмеялась. Затем глубоко вдохнула и кивнула: – Да, очень хорошо. – Ей не терпелось увидеть Марианну.

Они поднялись на лифте и, пройдя несколько коридоров и дверей, оказались в нужном отделении. Бен прошёл вперёд посмотреть, не дежурит ли кто перед палатой.

– Чисто, – успокоил он Алеа, вернувшись. – Я даже мельком заглянул в палату. На койке лежит женщина – и, кажется, она там одна.

Алеа поблагодарила его. Значит, зря она так волновалась из-за опеки. А стоило ли тревожиться из-за остального, она сейчас узнает.

– Я пойду одна.

Бен, видимо, иного и не ожидал:

– Мы подождём тебя в холле.

Алеа кивнула и пошла по коридору к палате Марианны. Жутко нервничая, она надавила на ручку двери и вошла. В двухместной палате Марианна была одна. Алеа вздрогнула, увидев её – такую маленькую, сморщенную, со свисающими седыми волосами. Что-то где-то пищало, а многочисленные трубки, к которым была подключена Марианна, опутывали всю комнату, как огромная паутина.

Глаза Алеа снова наполнились слезами от любви к Марианне! Только бы она чувствовала себя не так, как выглядит!

Марианна открыла глаза.

– Алеа! – прохрипела она. – Который час? – Она посмотрела в окно. Там было темным-темно. – О боже! Дорогая, я собиралась тебе позвонить, но уснула…

Алеа одним прыжком очутилась возле неё и порывисто обняла. Она боялась крепко сжимать Марианну, поэтому просто обхватила её руками и уткнулась лицом ей в плечо.

– Дитя моё… – Марианна погладила волосы Алеа. – Представляю, какой жуткий выдался для тебя день. Как ты?

Алеа несколько мгновений старалась напитаться этими объятиями, а затем собралась с духом и выпрямилась:

– А как *ты*?

– Могло быть и хуже. – Марианна вяло улыбнулась. – Ничего, поправлюсь.

Алеа грустно улыбнулась и промолчала. Вид у Марианны был просто ужасный!

Словно прочитав её мысли, Марианна сказала:

– Не беспокойся, я скоро встану на ноги. – Она подмигнула, и Алеа немного расслабилась. Может быть, Марианна в самом деле скоро выздоровеет! – Но… знаешь, – добавила Марианна, – сегодня утром, когда это случилось, я не на шутку перепугалась.

У Алеа подступил к горлу ком.

– Я вдруг поняла, что всё может закончиться очень быстро, в любую минуту.

Алеа не знала, что сказать. Приёмная мама ещё ни разу не говорила с ней о таких вещах.

Марианна задумчиво продолжала:

– Лучше ничего не откладывать на завтра. – Казалось, она глубоко погрузилась в свои мысли, но потом наконец подняла взгляд. – Я хочу кое-что тебе рассказать.

Алеа вскинула брови:

– Что именно?

– Кое-что, что тебе следует знать. Вообще-то я собиралась поговорить с тобой об этом гораздо позже, когда тебе исполнится шестнадцать, но теперь я думаю: кто знает, что ещё может произойти до того времени?

О чём это она?

Марианна слегка подалась вперёд:

– Это касается твоей мамы… твоей родной мамы.

– Моей мамы? – Алеа пришлось ухватиться за койку, потому что перед глазами у неё всё поплыло. – Моей *мамы?* – Марианна ещё никогда не рассказывала Алеа о её родной матери. Она только повторяла, что её и Алеа свела сама судьба.

– Я никогда о ней не говорила, поскольку тогда всё произошло очень странно. Но теперь…

– Что? – едва слышно произнесла Алеа.

– …теперь я это сделаю. У тебя есть право знать свою историю, а я единственная, кто может тебе её рассказать.

Алеа чувствовала себя так, будто по ней проехал поезд. Её пальцы вцепились в одеяло Марианны.

– Это случилось одиннадцать лет назад, – начала Марианна. – Я проводила отпуск в Голландии.

Алеа и поверить не могла, что сейчас она узнает, как попала к Марианне и кто её биологические родители! Как долго она об этом мечтала!

– День тогда выдался дождливым, – тихим голосом продолжала свой рассказ Марианна. – Пляж был почти пустой. Вдруг передо мной появилась какая-то женщина. – Марианна смотрела в пустоту, словно прокручивая перед мысленным взором тот день из прошлого. – Она была очень странная – с мокрыми волосами и выглядела нездоровой. Кроме того, поверх шикарных плиссированных брюк на ней была джинсовая юбка – я это до сих пор помню. – На лице Марианны неожиданно мелькнула улыбка. – На руках она держала маленького ребёнка, черноволосую девочку. Женщина обратилась ко мне по-английски, и мне показалось, что она говорит с акцентом. Но ты ведь знаешь, я не владею английским в совершенстве. Однако я поняла, что она просит меня позаботиться о её дочери.

От напряжения левую руку Алеа свело судорогой, но она этого почти не замечала.

– Поначалу я решила, что неправильно её поняла, но женщина повторила свою просьбу: «*Please take care of my daughter*»[2]. – Глаза Марианны неподвижно смотрели в пустоту. События того дня будто проходили в этой комнате. – Она была в отчаянии, это сразу было видно. Она сказала, что наблюдала за мной и решила, что я хороший человек. И что у неё больше нет времени.

Алеа уже и дышать не осмеливалась.

– Она назвала мне твоё имя. «*Алеа,* – сказала она. – *Her name is Alea*»[3] – с долгим «*е*». А потом рассказала мне о твоей болезни.

Алеа скорчила гримасу. Болезнь. Эта проклятая болезнь!

– Женщина произнесла какое-то английское название, – продолжила Марианна, – но я его в то время ещё не знала, и тогда она мне объяснила, что это значит. Она сказала, что ты очень больна и что тебе ни в коем случае нельзя соприкасаться с холодной водой. Что купание в море или в холодном озере может привести к аллергическому шоку, который с большой вероятностью может закончиться для тебя смертью.

---

[2] Пожалуйста, позаботьтесь о моей дочери (*англ.*).

[3] Её имя – Алеа (*англ.*).

Как всегда, когда заговаривали об этом, Алеа почувствовала, как в ней просыпается ярость.

– Я тогда совершенно растерялась и не смогла запомнить название болезни, – призналась Марианна. – Лишь спустя время я выяснила, что это *холодовая крапивница,* или *холодовая аллергия*.

Алеа одеревенело кивнула. Этой аллергии на холодную воду, как она сама называла своё жуткое заболевание, она бы не пожелала даже своему самому злейшему врагу. Из-за одного стакана холодной воды её глотка могла так распухнуть, что она бы задохнулась. А при попадании холодной воды на кожу могли возникнуть жуткие волдыри, после которых в самых страшных случаях остались бы уродливые шрамы. Всё это Марианна объяснила Алеа в самом раннем детском возрасте, и потом они строго следили, чтобы Алеа всё время носила с собой зонт и термос. В большом городе вроде Гамбурга, где всегда можно найти где укрыться, Алеа умудрялась избегать контакта с холодной водой и никогда по-настоящему с ней не сталкивалась – по крайней мере с тех пор, как стала жить у Марианны. До этого, судя по всему, «несчастные случаи» имели место, и их следы до сих пор виднелись на её теле: за ушами, между пальцами рук и ног остались уродливые шишки, похожие на чешуйчатые корки. Как они появились, Алеа не знала. Может быть, ребёнком она опустила ручки и ножки в холодную воду и пространство между пальцами как следует не вытерли и не просушили? Может, её волосы намокли и холодная вода скопилась за ушами и привела к образованию рубцов? Впрочем, такое было трудно себе представить. Но как бы это ни произошло, эти следы являлись для Алеа постоянным напоминанием о том, с какой серьёзностью она должна относиться к своей болезни и не допускать ни малейшей халатности. Жить в состоянии боевой готовности было невыносимо. Кроме того, вся её повседневная жизнь сводилась к тому, чтобы скрыть признаки заболевания, и она носила перчатки даже в самый разгар лета! Никто не должен был видеть, что с ней сделала болезнь и какой ранимой она из-за этого стала.

Голос Марианны вернул Алеа в настоящее.

– Я спросила женщину, как её зовут, но она не ответила, – рассказывала она. – Тогда я поинтересовалась, где она живёт, но и этого из неё было не вытянуть. В какой-то момент она посмотрела на меня с таким отчаянием, что я перестала задавать вопросы. Она снова и снова просила меня взять её ребёнка себе. Я видела, какая борьба происходит в её душе, и у меня разрывалось сердце. Было совершенно ясно, что она никогда в жизни не отдала бы свою дочь. И всё-таки она умоляла меня её взять. Должно быть, обстоятельства, в которых она оказалась, были поистине ужасны!

Алеа слушала Марианну, и её растерянность росла. Свой первый год жизни она не помнила, но всегда полагала, что биологические родители хотели избавиться от неё из-за её болезни. Неужели это не так?

– Наконец я согласилась, – продолжила Марианна. – Это решение я приняла исключительно сердцем и действовала вопреки доводам разума, ведь оно было совершенно безрассудным! Мне уже исполнилось пятьдесят четыре года, и я была слишком стара, чтобы заботиться о маленьком ребёнке. Кроме того, я ничего не знала о юридической стороне вопроса. Имею ли я вообще право брать чужого ребенка? Но в тот день я отбросила все эти мысли, потому что, заглянув в глаза той женщине, поняла, что я её последняя надежда. Кроме того, девочка была до того прелестная! Я смотрела на неё и ощущала в себе море любви – словно мне её подкинула сама судьба.

Алеа тихо всхлипнула.

Марианна взяла её за руку.

– Да, ты была совсем малышкой, сокровище моё, – ласково произнесла она. – Чудесная маленькая девочка, которая смотрела на меня огромными зелёными глазами и прижималась ко мне, сидя у меня на руках, – это была ты.

По щекам Алеа текли слёзы.

– После того как я тебя взяла, эта женщина, твоя мама, от облегчения рухнула передо мной на колени. Она снова и снова благодарила меня, потом встала и поцеловала тебя в последний раз, с такой нежностью, с какой только мать может целовать своего ребёнка. Наконец она развернулась, чтобы уйти, и в очередной раз напомнила мне непременно – непременно! – следить за тем, чтобы ты держалась подальше от холодной воды. Якобы от этого зависит твоя жизнь. Она произнесла это с такой серьёзностью и с таким отчаянием, что я запомнила это на всю жизнь и впоследствии следила за этим со всей строгостью, потому что не хотела, чтобы ты рисковала.

Алеа кивнула, продолжая обливаться слезами. Марианна действительно очень хорошо за ней следила. Никто бы не справился лучше, чем она.

– После того как голландская служба опеки безуспешно пыталась отыскать твоих родителей и наконец официально передала тебя мне, я сразу же отправилась с тобой к врачу. Он рассказал мне всё о холодовой крапивнице, но тогда даже не захотел проводить с тобой тесты, поскольку, судя по словам твоей мамы, ты болела в особо тяжёлой форме. Даже самые незначительные испытания с холодной водой могли привести к страшным последствиям. Даже врач признал, что ситуация крайне сложная!

О том, насколько всё серьёзно, Алеа знала и сама. Она помнила тот единственный раз, когда она много лет назад соприкоснулась с холодной водой. Она тогда попала под неожиданно начавшийся ливень и замешкалась, раскрывая зонт. Прежде чем он раскрылся, несколько крупных капель попали ей на лицо, шею и руки. Она это помнила до сих пор, потому что тогда её будто ударило током. Её сердце неистово колотилось, а кожа начала жутко зудеть, словно всё тело оказалось под напряжением. Алеа страшно перепугалась, потому что знала: это признаки приближающегося шока. Она поспешно достала носовой платок и стала стирать с кожи воду – и остервенело тёрла до тех пор, пока не осталось ни одной даже самой крошечной капли. К счастью, новых рубцов не образовалось, но после того случая Алеа стала ещё более осмотрительной. Больше с ней подобного не случалось. После того случая она ни разу не попадала под дождь.

– Я всегда думала, что мои родители меня бросили, – сказала она.

– Правда? Ох. Я этого не знала. – Марианна смущённо посмотрела на неё. – О твоём отце мне ничего не известно, но твоя мама тебя очень любила, в этом нет никаких сомнений.

– Почему же тогда она меня отдала?

– Я тоже всегда задавалась этим вопросом.

– Ты не пыталась это выяснить?

– Как я могла это сделать? Отдав тебя мне, она исчезла. Я даже её имени не знала.

– А ты не спрашивала в том районе в бюро добрых услуг, в церкви или в булочной, не видели ли женщину в такой-то одежде и с маленьким ребёнком?

– Всё это сделала голландская служба опеки. Они тогда несколько недель занимались поисками твоих родителей.

– Но ты не знаешь, насколько основательно они вели эти поиски?

Марианна покачала головой:

– Нет, подробностей я не знаю.

– Как называется то место, где ты тогда отдыхала?

Марианна бросила на неё пронзительный взгляд:

– Ты собираешься сама заняться поисками?

– Я… хочу узнать, что тогда произошло, – сказала Алеа. – Может быть, какие-то детали остались без внимания. Вдруг на пляже были свидетели и другие люди, которые что-то знали? Не может же женщина с ребёнком возникнуть из ниоткуда!

– Прошло уже одиннадцать лет, – напомнила Марианна. – И у нас нет никаких зацепок. Ренессе – это курорт, который посещают тысячи туристов. Никто там не обратит внимания на какую-то женщину.

– Ренессе? – повторила Алеа.

Марианна кивнула.

– Мне нужно туда! – Лишь произнеся эти слова, Алеа заметила, как сильно ей этого хочется.

– Даже если там ещё есть что искать… – сказала Марианна, – я не скоро смогу отправиться с тобой в Голландию. Мне нужно полежать ещё минимум пару недель, и я не…

– Я могла бы поехать туда с «Альфа Кру», – прервала её Алеа.

– С кем? – с недоумением спросила Марианна.

И тут из Алеа фонтаном выплеснулось всё, что она так долго держала в себе: как она провела весь день в порту, как познакомилась с «Альфа Кру», как стала членом шайки и выступала на сцене.

Алеа рассказывала, а глаза Марианны становились всё шире.

– Корабль?! – с испугом переспросила она. – Ты хочешь поплыть по морю на корабле?!

Теперь, когда Марианна заострила на этом внимание, Алеа осознала, насколько безумна её идея. Но потом она снова ощутила ужасную тоску. Она хотела на «Крукис».

– Дай мне несколько недель, – сказала Алеа, и в её голове вдруг сформировался план. – Позволь мне отлучиться на летние каникулы. – Тесс сказала, что родители разрешили ей провести каникулы по своему усмотрению. Вдруг Марианна тоже разрешит это Алеа? – Я спрошу у Бена и остальных, поплывут ли они со мной в Ренессе, и там поищу свою маму. А к окончанию каникул вернусь домой.

Марианна пронзительно смотрела в глаза Алеа – поначалу строго, но потом её взгляд смягчился.

– Я знаю, что в тебе живёт эта тоска по дальним странам, – сказала она. – Ты всегда мечтала путешествовать и колесить по всему свету. Но, Алеа, корабль идёт по *воде!* Кроме того, ты очень стеснительная. А теперь тебе захотелось очутиться на корабле с тремя незнакомцами? Я тебя не узнаю, честное слово.

– Я тоже себя не узнаю, – призналась Алеа.

Марианна кивнула:

– Мне кажется, ты повзрослела за этот день.

– Значит, ты разрешаешь?

– Нет. – Марианна покачала головой. – Как я могу отпустить тебя плавать по морям и океанам с тремя чужими людьми?!

– Не по морям и океанам, а только до Голландии!

– Нет, – решительно заявила Марианна. – Я ведь не знаю этого Бена и остальных и…

– Ты можешь с ними познакомиться! Они ждут там, в коридоре! – Алеа вскочила на ноги. – Я их приведу!

Однако Марианна снова покачала головой:

– Я очень устала, милая. – Она стала рыться в своей сумочке, которая стояла на тумбочке рядом с кроватью. – Пожалуйста, возьми до дома такси. Здесь есть немного денег. – Она вложила в ладонь Алеа двадцатиевровую купюру.

Алеа разочарованно взяла деньги. Почему Марианна не разрешила ей поплыть с «Альфа Кру»? Ведь Тесс разрешили! Ей очень хотелось возобновить спор, но Марианна выглядела такой измождённой, что Алеа отбросила все аргументы, готовые сорваться с её уст. Возможно, завтра удастся снова об этом поговорить.

– Спокойной ночи, – с тяжёлым сердцем произнесла она и обняла Марианну.

Марианна прижала Алеа к себе:

– Всё будет хорошо.

Алеа кивнула и стала тихо собираться:

– Завтра я снова тебя навещу.

– Буду рада, милая, – ответила Марианна и со стоном откинулась на подушку.

Погружённая в размышления, Алеа вышла из палаты, чувствуя себя виноватой. Их разговор, видимо, сильно переутомил Марианну. Кроме того, Алеа расстроилась, что та не позволила ей провести лето на «Крукисе». Эта история про её родную мать всё перевернула в её голове.

Когда Алеа вошла в общий холл, Бен тут же вскочил с места, и Сэмми, который спал, положив голову на колени брата, теперь изумлённо протирал глаза. Тесс отложила в сторону свой MP3-плеер.

– Как она? – спросил Бен.

– Всё ничего, – ответила Алеа. – Она очень устала, но она поправится.

– Классно! – сказал Бен.

Алеа кивнула.

– Значит, сейчас тебе не нужно переселяться в другую семью? – спросил Сэмми. – Даже на время?

– Нет, я… не знаю. – Алеа потёрла глаза. – Она сказала, чтобы я ехала домой на такси, – объяснила она и устало помахала двадцатиевровой купюрой.

Тесс фыркнула:

– С двадцатью евро далеко не уедешь.

– А где вы живёте? – осведомился Бен.

Алеа назвала адрес. Оказалось, Бен знает тот район:

– Это слишком далеко. Денег тебе точно не хватит.

Алеа вздохнула:

– Наверное, Марианна и не подозревает, что больница находится в другом конце города.

Тут из коридора вышла медсестра.

– Будьте добры, покиньте здание! – строго сказала она. – Вы хоть знаете, который час?

– Простите. – Бен наградил её широкой улыбкой. – Мы уже ушли. – И он утащил остальных за собой.

– Поедем до порта автостопом? – устало спросил Сэмми, когда они вышли за дверь отделения.

– Нет, – возразил Бен. – Для этого уже слишком поздно.

– А что тогда делать? – спросила Тесс.

– Идите за мной. – Бен повернул за угол, потом ещё раз, и они оказались в длинном коридоре, где он открыл дверь в пустую четырёхместную палату. – Сегодня мы будем спать здесь.

Алеа замерла на месте. Он что, решил переночевать в больнице?

– Отличненько, – устало пробормотал Сэмми и бухнулся на одну из коек. Его веки сомкнулись, едва он успел стянуть с себя ботинки.

Бен закрыл дверь и укрыл Сэмми одеялом.

– Когда я ходил в туалет, я немного тут осмотрелся, – объяснил он Тесс, которая таращилась на него во все глаза. – Лучше остаться в этой палате, чем шататься ночью неизвестно где.

В этом Алеа была вынуждена с ним согласиться, хотя спать вместе с ними в одной комнате было немного страшновато. Она ещё ни разу не делила с комнату с кем бы то ни было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.